

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

**ДОЛЖОК
КРОВЬЮ КРАСЕН**

ЭКСМО

Сергей Иванович Зверев
Должок кровью красен
Серия «Я – вор в законе»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377345

Должок кровью красен: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-51365-9

Аннотация

Десять лет назад Ивана Зарубина заподозрили в убийстве своего друга Валерки Титова – того застрелили из зарубинского ружья. Иван догадывался о том, кто сделал роковой выстрел; но доказать свою невиновность не смог, и пришлось ему бежать на Север. Он жил там трудной жизнью – и с геологами ходил, и егерствовал; попутно состряпал справку о своей смерти, документами новыми обзавелся... И вот спустя годы вернулся в родной город. Составил список тех, кто остался ему должен. Вот только не деньгами с ним должны будут расплатиться. А кровью...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
1	7
2	11
3	12
4	14
5	18
6	21
7	23
8	29
9	32
10	35
Глава 2	43
1	43
2	45
3	46
4	49
5	53
6	54
7	57
8	58
9	61
10	67

11	70
12	72
13	74
14	76
15	78
16	80
17	81
18	83
19	85
Глава 3	86
1	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Иванович Зверев

Должок кровью красен

Пролог

– А щас, батя, я тебя зарежу.

Лезвие ножа серебряно блеснуло в татуированной руке. Длинное лезвие и узкое – селедку напоминает. И рука татуированная длинная и худая. Одним хорошим ударом такую руку перешибить можно.

Неприятно на руку эту в полумраке вечерней комнаты смотреть. Не только потому, что нож в ней зажат. Слишком уж густо она фиолетовыми наколками испещрена. И кажется в полутьме, что не наколки это, а грязь несмываемая.

Подрагивает лезвие-селедка, волнуется татуированный. Еще бы – не каждый день приходится отца родного ножом резать. А уж если видишь отца первый раз в жизни, то и по-давно...

Скользнул отец взглядом по лезвию, поднял глаза на сына. – Ну, режь, коли нож достал, – спокойным басом в ответ.

Странно, что отец так безропотно соглашается зарезанным быть. Нет возмущения в его словах, нет бравады. А еще странно, что не выбивает он нож из татуированной руки, хотя мог бы. Роста отец гренадерского, плечи чуть уже шкафа

двустворчатого, ручки огромные – жеребца такими ручищами за задние ноги ловить! А сын татуированный – росточка небольшого. Головка маленькая на худой шее болтается. Перебить бы ту шею одним ударом.

Молодой месяц в окошко глядит. Падает свет ночного светила в лицо сына. Зубы блестят, глаза в отца уперлись... И серебристая селедка ножа в руке подрагивает.

– Ты зачем убил ее?

Молчит отец. Понимает он, что любые слова тут излишни. А еще понимает, что должен он сыну единственному. Такой долг на нем, который ничем никогда не погасишь.

– Так получай, батя!

Охнул отец, осел на пол. Теплая кровь натекает на пол. Было время отдавать долги, было время давать займы. Главное – успеть перед смертью взыскать все и раздать. Чтобы в графах «Дебет» и «Кредит» только нули стояли. Чтобы совесть перед смертью была чиста.

Вот и заканчивается его жизнь тем, что никто никому ничего не должен.

А начиналось все так...

Глава 1

1

Дом культуры сожгли по пьянке. Здание ветхое, послевоенное, с бревенчатыми перекрытиями и дощатыми полами – чего ж ему не сгореть? Да еще внутри – мебель древесная, портьеры плюшевые, сцена захламленная, кружок кройки и шитья с клубками да выкройками, кружок «Умелые руки» с верстаками да фуганками. И пылицы везде кубометра четыре. Огнеопасно, как в сухом лесу июльской жарой. Корооче, полыхнуло откуда-то с первого этажа, лизнул застенчиво алый язычок крышу, и уже спустя десять минут горел ДК ярко и весело.

Да хрен с ним, с Домом культуры-то! Стоял наш город без Дома культуры семьсот лет – и столько же простоит! Но в пожаре том выгорел почти весь Залинейный район, или, как его называют в городе, Залиния. Известное дело, что такое частный сектор: бревна, тес, дощатые заборы, сараи под хатами, поленницы во дворах. И все – вплотную друг к другу, словно крупинки сала в сервелате. С крыши ДК перекинулось пламя на пивнуху «Прохлада», с пивнухи – на дом участкового Семеныча, с дома Семеныча – на хату азербайджанца Мамеда. Не того Мамеда, который цветами торгует,

а того, что водяру поддельную гонит... И пошло-поехало!

Минут через двадцать стало на Залинии светло, как в городе Санкт-Петербурге во время белых ночей. Гудит страшное пламя, лопаются шифер на крышах, лишь треск по всей округе разносится: трах-тарарах! Один дом, второй, третий... Вот уже Поселковая улица огнем объята, за ней – Лесная, за ней – Железнодорожный тупик. Люди из хат выскакивают, добро свое норовят спасти. Кто-то телевизор под мышкой волочет, кто-то детишек сонных из окон выбрасывает, кто-то машину из гаража выгоняет. Участковый Семеныч, по случаю субботнего вечера добре поддатый, в семейных трусах, огонь потушить пытается. Кричит, суетится – мол, воды давайте, воды! Это он правильно догадался, что огонь водой тушить надо. Да куда там! Жар что из мартеновской печи: больше чем на пять метров подойти невозможно. Азер Мамед в истерике бьется, не по-нашему кричит. И без переводчика ясно о чем: деньги, мол, в доме остались. Сбережения, заработанные годами непосильного труда, пропадают! Да где уж их спасешь – скажи спасибо, что сам из огня успел выскочить.

При пожаре принято звонить 01.

Позвонили.

Прикатили пожарные через сорок минут и только на двух машинах. Не обессудьте, мол, граждане погорельцы, что так поздно, одна машина в ремонте, другая на консервации, и вообще – бензина нет. Размотали брандспойт, поливают чер-

ные головешки белой пеной... Да разве этими силами такой пожар потушить можно?!

Пожар – зрелище редкое, притягательное, и потому на Заплатину сбежалась едва ли не половина города – поглазеть.

Первыми появился народ из центра. Этим – ближе всех, сразу за железной дорогой район начинается. Хорошая публика в центре живет: коммерсанты, начальники ментовские, чиновники из мэрии, инспектора налоговые. Некоторые даже на машинах приехали. Стоят у своих иномарок, головами качают, языками цокают. Самые умные советы дают, как пожар правильно тушить, да только в огонь вот никому лезть не хочется.

Мэр Лукьянов прибыл – несмотря на тяжелую продолжительную болезнь, стойкую утрату дееспособности и полную потерю чувства реальности. Тоже руководить пытается, да никто его в этом бардаке слушать не хочет.

И местный олигарх, депутат Государственной думы Петр Владимирович Хомуталин тоже приехал – но не руководить, а сочувствие электорату выразить.

Затем из Дмитриева Посада люд повалил. Дмитриев Посад – не центр, а бедная окраина. Там коммерсанты-чиновники не селятся, там простой люд обитает. Эти ребята попроще, подушевнее тех, кто на иномарках раскатывает. Некоторые даже в огонь бросались – помогать погорельцам вещи вытаскивать да детишек малых спасать.

Последними климовские прикатили. Климовка – это рай-

он такой на окраине, где в основном «черные» обитают: азербайджанцы, осетины, ингуши, адыгейцы. Но больше всего почему-то аварцев да лезгин из Дагестана. Потому Климовку иногда даже называют «дагестанской слободкой». Вот дагестанцы-то в основном и приехали – на «БМВ» с «Мерседесами», со своим паханом Булатом Амировым во главе. Стоят у открытых дверок, зубы крепкие скалят, бороды чешут, кричат по-своему... Горячий народ и очень страшный – бояться их в городе. А Булат так вообще вылитый террорист. Борода черная, зубы белые, взгляд терроризирующий. Потому никто «черных» не осадил – неча, мол, над чужим горем-то зубы скалить, а коль приехали, так помогайте пожар тушить.

А Залиния тем временем выгорела почти вся. Лишь один дом чудом уцелел – тот самый, который слева от ДК, между тем, что осталось от школы, и тем, что осталось от дома участкового Семеныча.

2

Город наш невелик: всего двести тысяч населения. Пятнадцать школ, два института, четыре фабрики и два завода, три рынка, шесть кинотеатров, пять церквей и семь кладбищ. Невелик наш райцентр, да очень показателен: эдакая Российская Федерация в миниатюре. Микромодель всей страны. Есть тут и своя верховная власть в лице мэра Лукьянова, как и повсюду в России, никем не любимая. Есть и свой «олигарх», владелец фирм, фабрик, заводов и рынков, он же – депутат Госдумы Хомуталин, даже более нелюбимый, чем мэр. Есть и свой кавказский бандит, дагестанский авторитет Булат. И все остальное – точно так же, как и по всей стране.

Зато несчастье народное, пожар на Залинии, показало, кто чего стоит.

Кто детишек малых из огня вытаскивал, кто, рискуя жизнью, вещи из пылающих домов выносил?

Мэр Лукьянов? Депутат Хомуталин? Бандит Булат?

Простые рабочие ребята из Дмитриева Посада.

То-то.

3

На следующий же день после пожара поползли по нашему городу слухи. И все – о Залинии, и все – о причинах беды.

Полнится земля слухами. Полнится слухами город. Разные слухи ходят. Взаимоисключающие, правдоподобные и вовсе фантастические. Но почти все в одном сходятся: водка всему причиной.

Одни говорят, что во всем виноваты пьяные облицовщики. Клади в тот день с утра кафель в туалете и, выложив к обеду три квадратных метра, утомились до чрезвычайности. Скинулись, послали к азеру Мамеду гонца – всего по пузырьку на человека и вышло. Ясное дело, бутылкой на брата такие пьянки не ограничиваются, захотелось облицовщикам как минимум еще по одной взять. А распив по второй, решили они, что неплохо бы теперь и закусить. Снесли из бытовки старую мебель, разломали на части и костерчик на полу соорудили: картошку в золе печь. Ясное дело, чем такие костры заканчиваются.

Другие утверждают, что всему виной пьяные электрики. Мол, еще неделю назад меняли в актовом зале проводку, да что-то неправильно подсоединили. Короче говоря, субботним вечером, когда народ электричество жжет, перемкнуло что-то в сети, сыпнули искры – и на тебе! Пожар.

Самые смелые утверждали, что вовсе не по пьяни тот по-

жар произошел. Поджог, мол. Из-за чего обычно «красного петуха» запускают? Правильно – из мести. Кто в нашем городе к христианскому всепрощению не склонен? Тоже правильно – климовские. «Кавказкы мэст, панымаэш!» А кому и по какой причине мстить могли? А вот тут – непонятно. За ведущей ДК? Руководительнице курсов кройки и шитья? Или ведущему кружка «Умелые руки»?

Ходил, правда, по нашему городу еще один слушок. Тоже про поджог. Но не дагестанский. Другой.

Впрочем, конкретного имени никто так и не назвал.

Над страной ночь. Над страной мгла. От Москвы до самых до окраин мгла стелется. И над городом нашим мгла ночная – и над Центром, и над Климовкой, и над Дмитриевым Посадом. Несет ветер со стороны пожарища жирный пепел, стелет сажу по платформе вокзала. Блестят под холодным семафорным светом рельсы. Тяжелый тепловоз медленно вспарывает ночную мглу конусами фар, тащит за собой пассажирские вагоны. Заскрипели тормоза, лязгнуло железо буферов, дернулись вагоны, остановился состав.

Лишь один человек со всего поезда и вышел. Ступил на платформу тяжело и грузно. Осмотрелся, вздохнул и к вокзальному зданию зашагал.

Интересный пассажир из ночного вагона сошел. Лицо суровое и сосредоточенное. Чемоданчик в руках – старый, с углами, жестью обитыми; таких уже давно не выпускают. А кисти рук что клешни – наверняка баскетбольный мячик одной рукой взять сможет. Глаза черные, дикие, что у жеребца. Перешел через пути, вышел на площадь. Уселся на лавочке под фонарем. Щелкнул замочками чемоданными, достал общую тетрадь в фиолетовой клеенчатой обложке, раскрыл. Посередине – жирная поперечная линия. Слева от линии надпись «Дебет». Справа – «Кредит». И слева, и справа под словами бухгалтерскими – чьи-то фамилии. Напротив одних фа-

милый цифры стоят. Напротив других – крючочки какие-то непонятные. Напротив третьих – знаки вопросительные.

Прочитал мужик внимательно сперва те фамилии, что в «Дебете». Покачал головой, улыбнулся каким-то мыслям. Затем на «Кредит» перешел. Вновь покачал головой, но уже без улыбки.

– Вот я и дома... – пробормотал.

Поднялся и двинулся с привокзальной площади в сторону главной улицы.

Ни одного человека на ночных улицах. Окна не горят, фонари только через два на третий светятся. Словно вымер город. Словно газом невидимым жителей выморило. Даже котиков с собачками не видать. Лишь мошкара в конусах света фонарного суетится.

Прошел приезжий несколько кварталов, к ярко освещенному домику о двух этажах вышел. Бегают по фасаду огоньки разноцветные, переливаются, и неоновые буквы над дверями в половину человеческого роста горят: РЕСТОРАН «ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК». Половина третьего ночи, а жизнь у фасада так и кипит. Девки срамные у открытых дверей снимаются, улыбаются входящим-выходящим мужикам. Кавказцы косяки с анашой курят – дым конопляный так в нос и бьет. Милиционер с ноги на ногу переминается, от аромата наркотического прибалдел.

Остановился наш путник, отошел в сторонку, чтобы его не заметили. Смотрит.

А смотреть есть на что.

Открылась дверь ресторанный, и вышла из «Золотого петушка» хмельная компания. Сразу видно – небедные люди. Впереди – мужчинка в золотых очках, мелким барашком завит. Даже издали видно, как почтительно на него спутники поглядывают; стоит завитому лишь рот открыть, как замолкают они на полуслове, взгляд из-под золотых очков ловят.

Дошел очкастый до длинного-длинного «Кадиллака», открыл дверцу, уселся назад, бросил спутникам несколько слов на прощание и водителю личному командует, как Гагарин перед стартом:

– Поехали!

– Спокойной ночи, Петр Владимирович! – спутники вдогонку.

– Вот ты, сука, и вынырул. Вот мы и свиделись, – констатировал приезжий и взглядом лимузин проводил. Нехорошим взглядом, диким и злым. Постоял, подумал о чем-то и дальше пошел.

– Иван? Ты, что ли? – проблеял за спиной приезжего пропитый тенор.

Обернулся путник назад. Видит – идет навстречу какой-то ханыга. Джинсы грязные, свитер порванный, в небритом подбородке вчерашняя закуска.

Идет ханыга, улыбается слюнявыми губами, руки уже широко развел, чтобы обнять приезжего да облобызать его как следует. А перегарищем от ханыги так и разит – хоть заку-

сывай.

– Обознался ты, братан! – упало веское.

– Да как же так обознался... – бубнит ханыга недоуменно. – Ты чё, друга детства не узнаешь? Валик меня зовут, а фамилия моя – Кучинский. А ты когда-то на Дмитриевом Посаде жил, еще дома наши через дорогу стояли... Иван ты. А фамилия твоя, значит, Зарубин...

– Обознался ты, Валик. Не Иван я вовсе и не Зарубин, – бросил Иван Зарубин и, развернувшись, зашагал прочь.

«Кадиллак» – машина-зверь. Длина – чуть меньше, чем у парохода класса «река – море». Ширина соответствующая. Хрустальные пепельницы с прикуривателями у каждого сиденья. Позади водительского сиденья – стеклянный бар с напитками и ЖК-монитор с Интернетом. Захотел в дороге расслабиться – нажал кнопочку, отъехал в кресле назад, взял из бара бухло, какое на тебя смотрит, – и цеди себе потихонечку под звуки отечественной эстрады. И командуй водиле, куда рулить надобно.

Хорошая машина «Кадиллак». Раскатывать на такой у нас в городе – все равно что в какой-нибудь Москве на ковре-самолете летать. В радиусе пятисот верст, наверное, одна лишь такая. Никого равнодушным не оставляет. На перекрестках водители колхозных «Жигулей» да «Москвичей» глаза пялят, шеи сворачивают. Да так со свернутыми шеями и остаются – о зеленом свете забывают, аварийные ситуации создают. У «Золотого петушка» девки срамные при виде лимузина заморского кипятком писают; на все согласные, лишь бы хоть десять метров проехать. Милиционеры уличные не то что остановить боятся – честь «Кадиллаку» норовят отдать.

Но хозяин сказочного лимузина на такие мелочи, как глупые колхозники, дешевые бляди да не менее дешевые милиционеры, внимания не обращает. Некогда ему. Распылялся

бы он по пустякам – не было бы у него не то что «Кадиллака» – «Мерседеса» самого вшивого! А лимузин американский для него хоть и показатель статуса, но прежде всего все-таки – средство передвижения.

Богат Петр Владимирович Хомуталин, очень богат. Из четырех действующих у нас в городе фабрик – три под его контролем. Трикотажная, стекловолокна и искусственного меха. Контрольный пакет акций с правом решающего голоса. Из двух заводов ему самый выгодный принадлежит: завод пива и безалкогольных напитков, на котором, кроме всего прочего, еще и водяру гонят. А недавно, по слухам, решил всерьез и развлекательным бизнесом заняться.

Богат Петр Владимирович, очень богат. Но хочет стать еще богаче. Но не только богатство Петра Владимировича прельщает. Манит его мир большой политики. Наверное, потому и манит, что всей душой болеет он за судьбу Родины, за будущее сограждан. Ночи не спит, думу думает, валидол пачками ест – сердце за единую Россию щемит. Так он во время выборов в Государственную думу и заявил с трибуны: мол, я ведь свой, братья и сестры, в этом городе родился и вырос! Душа у меня за вас изболелась! Выберите меня депутатом от правящей партии, я-то дорогу к светлому будущему в натуре знаю! Так его и выбрали...

Разные слухи о Хомуталине в нашем городе ходят.

Одни говорят, что мир, мол, не видел еще такого хитро-жопого подонка. И в депутаты, мол, он потому лишь полез,

что в тюрьму сесть боится.

Другие утверждают, что человек этот городу нашему очень даже полезен: новые рабочие места создает, деньги иностранные привлекает, о культурном облике сограждан заботится. А то, что широкие народные массы безжалостно эксплуатирует, так это, мол, исторически закономерно; первоначальный этап накопления капитала.

Ну а третьи – и таких большинство! – Петра Владимировича просто ненавидят. Люто ненавидят, смачно, от всей души. За то, что богат без меры. За то, что людей откровенно презирает. За очки интеллигентские. За завивку барашковую. За тенорок жиденский. В конце концов – за «Кадиллак» навороченный.

Но все в одном сходятся: хитрый он, изворотливый и очень умный. А потому практически непотопляемый. А коли так – быть ему еще богаче, чем ныне...

Ходить мгlistой ночью через старое кладбище – самое милое дело. Ресторанные вывески глаза не слепят. Машины заморские своим наглым видом на себя внимания не обращают. Людей никаких, с которыми встречаться не очень хочется. Лишь темные кроны высоко-высоко на ветру шумят, да кузнечики в сухой августовской траве стрекочут.

Неторопливо идет Иван главной аллеей, то и дело на правую сторону оборачивается, к памятникам присматривается. Дошел до приметного обелиска красного гранита, остановился, зажигалкой щелкнул.

Обыкновенное типовое надгробье. Правда, на две могилы. Слева – фотография уставшей пожилой женщины и надпись под ней: «Зарубина Мария Васильевна, 1932–2002». Справа – снимок молодого мужчины, очень на Ивана похожего, и тоже надпись: «Зарубин Алексей Иванович, 1935–2007».

По всему видно, давно на этих могилах никого не было. Калитка металлическая внизу землей заплыла. Ограда, давно не крашенная, ржавчиной взялась – даже в неровном свете карманной зажигалки бурый налет заметен. На холмиках листва прошлогодняя, да крапива в человеческий рост.

Открыл Иван калитку, зашел за ограду. Сперва отцовской могиле поклонился, затем – материнской. Постоял молча

минут пять и назад сквозь приоткрытую калитку попятился, чтобы к могилам спиной не оборачиваться...

Главная аллея насквозь кладбище прошивает. Если от главного входа шагать, никуда не сворачивая, минут через двадцать можно на Дмитриев Посад выйти. Вон он, Посад, уже заметен: сквозь темную листву огоньки редкие мерцают, машины по улице проезжают, вывеска гастронома синим неонам горит.

Вышел Иван с кладбища на дорогу и остановился. Взглянул налево, в сторону одноэтажной хибарки, – во всех трех окнах свет горит, несмотря на два ночи. Постоял Зарубин, улыбнулся каким-то мыслям – и влево свернул.

Не гори свет в хатенке о трех окнах – не пошел бы Иван туда этой ночью. В другой раз бы зашел. Но знает Зарубин, кто в том доме живет. И еще знает, что в доме этом ему всегда рады...

Три часа ночи. Дмитриев Посад. Хатенка о трех окнах. За мутными стеклами густая ночь колыхается. Небогат интерьер домашний: кровать металлическая, комод допотопный, сервант с треснувшим стеклом, картина с голой тетенькой в простенке, стол да несколько стареньких табуреток.

За столом мужик сидит – плюгавый, в спортивных штанах и грязной майке. Многое его рожа физиономисту рассказать бы могла. Скошенный подбородок – о полном отсутствии воли. Маленькие глазки – о природной хитрости. Взгляд исподлобья – о лютой ненависти к окружающему миру. Оскал волчий – о коварстве. А вот нос плюгавого надо не физиономисту показывать, а наркологу. Красный-красный тот нос, будто кетчупом обмазанный. Даже кожа с носа островками слазит. Тут и первокурсник мединститута без сомнений диагноз поставит: алкоголизм. А то, что мужика плюгавого похмельный синдром мучит, так это и невооруженным глазом заметно.

Смотрит красноносый мужик на немолодую полную женщину с усталыми глазами, что в дверях кухни стоит, и бубнит ненавидяще:

- Слышь, Катька, коза драная, поллитру отдай!
- Да какую поллитру, Коля?
- А ту поллитру, что ты со своего дня рождения со стола

заныкала! В моей-то хате от меня бухло ныкать, а?

По всему видно – не хочется Кате на скандал нарываться. Вид у нее очень утомленный. Паутинные морщинки в уголках глаз. Рот поджат. Руки красные, натруженные. Отдохнуть бы ей, отоспаться, а не вести с этим уродом ночные дискуссии о поллитре...

Стукнул красноносый Коля кулаком по столу, да так сильно, что дзинькнуло стекло сервантное.

– Куда-куда ты меня послала? Да я тебя, корова, на хер из своего дома выставлю! Щас же со своими манатками выметайся на хуль!

Схватил табуретку – и в Катю швырнул. Но, к счастью, дрогнула у него рука с похмелья: пролетела табуретка в нескольких сантиметрах от Катиной головы, в стенку гулко ударилась. И тут же из закрытых дверей спальни – плач детский.

– Да тише ты! – Катя, испуганно. – Сашку разбудишь!

– И выблядка своего с собой забирай! – вконец разъярился Коля и, вскочив, классическим жестом майку на себе обеими руками рванул.

Коля с ног до головы синий-синий. Аки амурские волны. На руках, животе, спине, ногах, затылке и шее – картинки да аббревиатуры вытатуированы. Решетки тюремные. Купола церковные. Свечи горящие. И прочие сюжеты, романтические для детей и юношества.

Но Катю символами трудной жизни не запугать. Знать, не

первый год с этим татуированным уродом живет. Выйдет из Коли дурная энергия, как воздух из проткнутого воздушного шарика, и завалится он спать. Если, конечно, перед сном за топор не схватится...

Подняла она табуретку, вздохнула, на место поставила. И – в спальню, где ребенок плачет. Покачала кроватку, пошучила ласково, назад вернулась.

Наверное, не стоило ей в спальню ходить. Потому что за это время Коля татуированный уже успел в сени сбегать и топор принести.

Стоит у стола в разодранной майке, ухмыляется победно, древко татуированными руками сжимает.

– Ну так что, коза драная, – отдашь мне мою поллитру?

И угрожающе топором замахнулся.

Вздрогнула Катя и сделала шаг назад. Понимает: ой, худо ей сейчас придется! (Тем более что поллитры-то у нее действительно нету.) Зарубить-то, конечно, не зарубит – и так шесть судимостей, куда еще и седьмую! Но разгром в хате по полной программе устроит, ребенка разбудит да мебель попортит.

Ххха-а-ак!

Сверкнуло лезвие, просвистело у Катиного уха и со всего размаху в дверной косяк вонзилось.

И тут Катя не выдержала. Понимает она: велика Россия, а отступать некуда. Оттолкнула она татуированного со всей силы – тот, не ожидая такой прыти, спиной на сервант и по-

летел. Жалобный звон стекол заглушил Колину матерщину. Сашка в очередной раз в спальне заплакал. А Катя, не довольствуясь падением изверга, накинулась на него с кулаками. Уселась тяжело на татуированную спину, завернула левую руку назад – и ну колотить по башке кулачищем.

А женщина, надо сказать, она неслабая. Килограммов под сто в Кате живого веса. Сидит на Колиной пояснице, одной рукой синюю кисть назад заворачивает, а другой по голове с остервенением лупит. А потом за волосы нечесанные схватила – и носом в осколки:

– Это тебе за пьянство твое!

Хрясь – и мордой об пол.

– Это за то, что Сашку разбудил!

Хлоп – кулаком по загривку.

– Это, чтоб за топор никогда не хватался!

И руку татуированную почти до затылка вывернула – взвыл Коля:

– Не буду больше! Пощади!

– Это, чтоб кровушки моей больше не пил своим алкоголизмом!

Тут она в самую точку попала. Если и пьет у нее кто-то кровушку – так это он, Коля...

Тридцать семь лет Коле Михееву, а на свободе от силы лет пятнадцать проходил. Горд синий Коля своим зоновским прошлым. Мол, только тюрьма по-настоящему жизни научить может. И как человек, настоящей жизни вкусивший,

считает себя бродягой «правильным» и «с понятиями».

Но одно понятие у Коли совершенно отсутствует. Не хочет Коля работать. Мол, пила железная, пусть она и работает. Такая вот у него жизненная позиция. И потому, откинувшись три года тому, существует татуированный идеалист исключительно за счет сожительницы Кати Ефимовой, скромной воспитательницы детского сада.

Поднялась Катя на ноги – гневная, раскрасневшаяся. И напоследок ногой в промежность врага саданула:

– А это – просто так! На добрую память!

Только последнюю фразу вымолвила – стук в дверь.

– Кого там нечистая принесла, – прошептала Катя, поправила сбившиеся волосы и – в сени.

Пока до входной двери шла, соображала, кто это в три ночи пожаловать может.

Наверняка не соседи. Знают они про буйство Колино, даже днем боятся сюда заходить. И наверняка не участковый – тот больше по понедельникам с утра появляется, а сегодня ночь со среды на четверг. Наверное, собутыльник какой-нибудь Колин... Ничего, пусть видят Колин позор, пусть потом по всему Дмитриеву Посаду разнесут, как того баба побил!

– Чего надо? – нарочито грозно спросила Катя.

А из-за двери басом густым:

– Катюша? Ты?

Обомлела Катя. Слишком уж знакомым ей голос показался. Только у одного человека такой бас густой. Но не видела

она этого человека целую вечность... Ждала она такого полжизни: и стука в дверь, и вопроса «Катюша? Ты?» Ждала, да не думала, что в такой неподходящий момент это произойдет. Да и не верила, если честно, что вообще произойдет когда-нибудь.

– И...ван?

– Иван.

Открывает Катя дверь. Стоит на крыльце немолодой мужчина: роста гренадерского, плечи чуть шире шкафа, кудри волнистые, чуть сединой тронутые. Резанул Катю пронзительным взглядом – чуть дурно ей не сделалось.

– Ваня... – только и могла прошептать.

Стоит Катя как громом пораженная в сенях и не видит, что в зале происходит. А происходит вот что. Поднялся Коля с пола, весь в кровавых слюнях да соплях, на секунду в сени выглянул – и топор, в дверном косяке торчащий, схватил. Отошел за дверь, занес оружие...

Ревнив Коля, как мавр венецианский. А ревность, помноженная на похмельный синдром и унижительное поражение в драке с женщиной, до добра не доведет. Заметил Коля: какой-то мужик в хату заходит, и Катя за ним семенит. Сжал он рукоять покрепче, примерился, как бить лучше: острием или обухом...

8

Люди в России делятся в основном на богатых и нищих. И тем и другим деньги нужны. Богатые каждую минуту думают, как им еще богаче стать. Нищие же, как правило, думать не умеют (умей они думать – непременно бы разбогатели!), а если и умеют, то лишь об одном: вот появился бы какой-нибудь хороший дядя, который бы отнял у богатых их богатства и поровну между всеми бы и разделил!

Валик Кучинский – тот самый ханыга в драном свитере, который Ивана у ресторана «Золотой петушок» встретил, – думать никогда не умел. Был он человеком глупым, но почитал себя умницей. А потому почитал, что за свои сорок пять лет нигде никогда не работал, но прожил не хуже, чем многие работающие. Нужен для этого ум? Нужен, считает Валик. Глупый в наше тяжелое время на халяву не протянет. Правда, халява достается Валентину за счет старухи-матери, у которой он почти всю пенсию отбирает. И за счет дагестанцев из Климовки, которым иногда помогает в их гнусном бизнесе (об этом речь впереди). И за счет любителей пива – теплыми летними вечерами ходит Кучинский по скверам нашего города, набивает сумку стеклотарой. А еще – за счет гнусного доносительства: лежит в кармане Кучинского удостоверение внештатного сотрудника УВД, которым он очень гордится. Стучит Валик, и исправно стучит. Но не на таких

же, как сам, нищих сборщиков стеклотары. Сигнализирует он в основном на тех, кто хоть чуточку богаче его самого. На соседа, доцента институтского: репетиторством занимается, а налоги с доходов небось не платит! На знакомого, который на дачном участке нутрий разводит: антисанитарию устроил, дышать нечем!

Но не только на местных буржуев стучит Валик. Оперативно-поисковые альбомы за последние двадцать лет знает он почти наизусть: кого УГРО разыскивает, за что именно, кому какая статья вменяется...

...Проводил Кучинский взглядом Ивана, постоял, подумал – и к ближайшему таксофону.

– Алло, дежурная часть? Это Кучинский говорит. С Семеном Геннадьевичем соедините...

Майор Коноплев Семен Геннадьевич – замначальника ГУВД. Вот уже лет двадцать в милиции служит. Феноменальной памяти человек. Назовешь, бывало, ему какой-нибудь год, ну, 1994, к примеру, а он не задумываясь – мол, в этом году в нашем городе произошло четыре убийства, из которых раскрыто три, а одно списано в архив, двадцать восемь изнасилований, из которых раскрыты все, пятьдесят одна квартирная кража, из которых раскрыто сорок девять... И так далее.

– Да, Валик, слушаю.

– Семен Геннадьевич! Вы знаете, кого я только что встретил? – Валик захлеб.

– Кого же?

– Ивана Зарубина! Стою, значит, у «Золотого петушка», и он навстречу...

– Да окстись ты! – товарищ майор раздраженно. – Что ты несешь? Какой на хуль Зарубин?! Он ведь уже сто лет как подох... И бумага на этот счет соответственная пришла.

– Он это был, точно говорю!

– А я те русским языком говорю: не мог ты Зарубина видеть. Помер он давно. Понимаешь – по-мер. А дело его давно в архив списано. Показалось тебе спьяну. Или кого-то похожего видел. Все, Кучинский, иди отсыпайся. Зайдешь ко мне завтра.

Повесил Валик трубку телефонную, нахохлился, как воробей перед ливнем. Обидно, что товарищ майор ему не верит. И решил он доказать товарищу майору: не ошибся он. Иван Зарубин это был. Тот самый...

Идет Иван в зал и видит: лежит на ковре тень рельефная. То ли творение скульптора-абстракциониста за дверью стоит, то ли пальма в кадке. Понимает Иван: не скульптура это вовсе и не растение домашнее. Такую тень только один предмет может отбрасывать: дурной мужик с топором в руках.

Дернул Зарубин половинку двери на себя и тут же обратно резко захлопнул. Матернулся кто-то из зала зло, глухой удар послышался, и уже спустя мгновение распласталось у входа то, что тень отбрасывало. Не ошибся Иван: так и есть, мужик. И топор рядом валяется.

– Ой!.. – Катя за сердце схватилась.

– Да ладно, Катюш, не ойкай.

Нагнулся Зарубин, поднял топор, осмотрел лезвие внимательно, в сторонку отложил. Затем мужика за плечо аккуратно тронул.

– Ну, здравствуй, хозяин. Давай знакомиться. Меня Ивановом зовут.

И руку доброжелательно протянул.

Поднял мужик голову – морда распухшая, из носа кровица так и хлещет. Взглянул на гостя дико, хотел было какую-то мерзость сказать, да не сумел: столкнулся с таким взглядом тяжелым, что ничего ему не осталось, как руку в ответ протянуть.

– Коля я.

Утонула татуированная грабка в огромной руке.

– Что, Коля, дровишек решил на ночь поколоть?.. Ты уж извини, что я к вам так поздно. Иду мимо, смотрю – свет горит. Дай, думаю... – обернулся Зарубин к хозяйке: – Извини, Катюша, не к месту немного и не ко времени.

– Да что ты, Ваня! – всплеснула руками та.

– К Катьке моей, да? А зачем ночью? Хахаль? – окрысился Коля, в зеркало разбитую харю рассматривая.

– С Катюшей я вместе в школе учился, с первого по десятый за одной партой сидели. Может, она и рассказывала тебе про меня. Друзья мы с ней, – пояснил Иван таким тоном, что Коле больше никаких вопросов задавать не захотелось.

Подошла хозяйка, недавнему врагу руку великодушно протягивает.

– Ладно тебе, поругались – и будет. Вставай, умойся, майку другую надень, а то перед гостем неудобно.

И к Ивану:

– Где ж ты раньше-то был? Почему о себе знать не давал? Тут по городу лет десять назад слух пошел, будто умер ты!

Неожиданно Коля голос подал:

– Слышь, ты, коза драная... Так ты... это... того... отметить надо.

Понял Иван нехитрый подтекст. Поставил на колени чемоданчик, щелкнул замочками, литровую бутылку «Сибирской» достал.

– Ну давайте. За встречу...

За окнами рассвет все заметнее. Бутылка наполовину опустела. На столе – огурцы малосольные, капуста квашеная, тушенка армейская, хлеб бородинский. И два стакана всего. Третий уже чисто вымыт и на место поставлен. Коле-то много не надо – любой алкаш от двухсот граммов опохмела вырубается мгновенно. Вот и хозяин полчаса назад вырубился, спать ушел. А Катя за столом с гостем осталась...

Блестят Катины глаза от переизбытка эмоций. Смотрит она на Ивана и не верит, что это именно он. Немой вопрос в ее глазах читается: мол, сколько молчать можно, рассказывай!

Но не торопится гость. Основательный он человек, не может так сразу повествование начинать. А может быть, ждет предупредительно, что Катя о своей жизни первой рассказ поведет.

Смахнула хозяйка слезу.

– Ну что молчишь-то! Мы тебя тут уже давно похоронили! Что же ты раньше о себе знать не давал? Где был столько лет?

Вздыхнул Зарубин.

– Ну, почему я уехал, ты знаешь.

– Да весь город только об этом убийстве и говорил!

– Ты-то хоть веришь, что не я застрелил Титова Валерку?

– Верю, – выдохнула хозяйка.

– Многие тогда в городе верили, а многие – нет. А главное – менты не верили. Подставили меня, вот что. Как оно тогда, в девяностом, вышло, помнишь? Поехали на рыбалку с ночевкой. Я, Валера Титов покойный, Петя Хомуталин, гнида комсомольская, и Миша Супрун, друг его. У бати моего, царство ему небесное, ружье было старое, двустволка. Ну, Хомуталин и уговорил ружьишко с собой взять: мол, может, дикую утку подстрелим, а если и нет, просто по банкам консервным постреляем. Я-то тогда молодой был и глупый – почему, думаю, и не взять? Наловили рыбки, наварили ухи. Выпили, как полагается. Мы с Хомуталиным в палатку спать завалились, а Супрун с Валерой Титовым на берег пошли. И ружьишко с собой прихватили. Слышу сквозь дрему – выстрел. Я-то и значения ему не придал: может, и впрямь уток стреляют, может, по банкам консервным. И заснул. Сколько спал, не помню: может – минуту, может – час. Просыпаюсь – нет Хомуталина в палатке. Я – на берег. Смотрю, Валерка лежит в кровище. Череп весь разворочен. Холодный уже. И никого поблизости. Только ружье мое рядом валяется.

– Бросили тебя дружки-то. – Катя кулаком голову подперла.

– Да какие они мне дружки! Мне только Валерка покойный другом был. А эти козлы... Навязались тогда с нами вместе идти. А я тогда добрый был, отказывать не умел. Ну а что дальше-то было, сама знаешь. Хомуталин следаку потом показания давал – полежал, мол, в палатке полчаса и ушел,

ничего не знаю. Супрун говорит – мол, с Валерой покойным поругался и тоже в город свалил. Самое странное – батя-то мой покойный где-то за четверть часа до убийства Хомуталина видел, вот что... И не только батя. Да прикрыты эти скоты со всех сторон: один – комсомольский деятель, у другого все мусора прикормлены. Вот и получалось, что я своего друга грохнул. И ружьишко из моего дома, и «пальчики» мои на нем. И никому ничего не докажешь. И засудили бы меня тогда к «вышке» – уж Хомуталин с Супруном постарались бы. На хрена им человек, который репутацию может подпортить? Так что если б не ты да не Василий Захарьич, не гулять бы мне по белу свету. Спасибо, Катюша, за предупреждение, что меня менты «закрыть» собирались. Помнишь, как ты ко мне вечером прибежала и сказала, что меня завтра в СИЗО заберут? Мол, изменение меры пресечения... Напились мы тогда с тобой с горя.

– Спасибо подруге Нинке, что проболталась. У нее тогда хахаль в прокуратуре работал, – перебила Катя, но почему-то слишком поспешно. – А где ты все это время скрывался?

– На следующее же утро, отоспавшись, к Василию Захарьичу побежал советоваться. Дал он мне один адресок егеря знакомого под Ханты-Мансийском. Письмецо ему накатал. Сел я на ночной поезд – и до Екатеринбурга. Оттуда – вертолетом в тайгу к егерю этому. Полное безлюдье, никакого регулярного сообщения – кто меня там искать станет?

– Так и жил в глуши?

– Целых шесть лет.

– Занимался-то чем?

– Я-то еще со школы стрелял неплохо – помнишь, наверное... В семнадцать лет на мастера спорта по пулевой сдал. Стал я, Катюша, таежным охотником-промысловиком. Хвастаться не хочу, но не самым худшим в тех краях. Не сразу, конечно... Приметы местные изучил, повадки звериные.

– А потом?

– Да кем я только не был! «МАЗ» большегрузный водил, лесовоз. На нефтепромыслах работал. Геодезистом в геологической партии. Затем опять в тайгу вернулся... Ну, разбогател немного, чего уж скрывать!

– Говорили у нас на районе, будто погиб ты... Да только не верилось мне!

Кивнул Зарубин.

– Это хорошо, что тебе не верилось. Хорошо и то, что другим поверилось. Всего за ящик водки в сельсовете под Тюмень справку о собственной смерти выправил. Да и сделал так аккуратненько, чтобы она в наш город попала. Там же и паспорт себе оформил на чужое имя. Знаешь, Катя, может, и к лучшему, что оно все так произошло. Сидел я в зимовье своем вечерами, один на всю тайгу, книжки умные читал и думал, думал... О жизни нашей.

– Не женился?

– Нет, Катя. Не женился. Не до того было. Да и женщину

достойную за все это время что-то не встретил. Ладно, что я все о себе да о себе? У тебя-то что за эти года изменилось?

Опустила голову хозяйка.

– Ну, что мне рассказывать? Живу вот помаленьку, как все. В детском садике воспитательницей работаю. Денег, конечно, в обрез, но хоть сына Сашку пристроила. Весь день на моих глазах.

– От Коли? – Иван в сторону спальни кивнул, куда хозяин татуированный спать отправился.

– Да что ты! Был у меня до него муж. Был, да сплыл... Бросил он меня сразу, как Саша родился. А с Колей я по переписке познакомилась, когда он последний раз в тюрьме сидел. «Заочница» я. Какие он мне письма красивые писал! Мол, шел вечером с любимой девушкой, накинулись на нее хулиганы, я в драке одного случайно и порешил... А как сел, кинула меня моя возлюбленная. Я-то, дура такая, и поверила. Письма-то эти, как выяснилось, и не он вовсе писал. Сидел у них там какой-то интеллигент, за пачку чая любому желающему что угодно строчил – хоть письма, хоть кассации. А знаешь, Ваня, какой он никакой, а с мужиком все одно легче, чем без него. Добрый он, просто жизнь его обозлила. И еще плохо, что пьет Коля безбожно и буен во хмелю. Да и хата эта его. Я-то свою квартиру внаем сдаю, чтоб с голоду не подохнуть. Вот так и живем...

– Один у тебя ребенок? – Иван неожиданно.

Зарделась Катя.

– Двое. Есть еще сын старший, Кирилл. Подросток еще...

– Тоже с вами живет? – удивился Зарубин.

– Нет... Убежал три года назад. Не хочу, мол, мамка, с тобой в нищете жить и на Колю твоего смотреть не желаю. Беспризорничает где-то. Я и в розыск в милицию подала – куда там!

– А отец-то его где?

Не ответила хозяйка, и понял Иван: зря он вопрос этот задал.

– Ладно. Что у нас в городе за это время произошло?

– Да столько всего произошло, что и не упомнишь, – ожи-вилась Катя.

– А Супрун где?

– Думаешь, он Валеру убил?

– Больше никому, – процедил Иван. – Хомуталин-то карьерой тогда был озабочен, не стал бы. Да и незачем ему было.

– Года четыре назад зарезали Супруна на Климовке. Ножом прямо в сердце. Говорят, будто «черные», которые там живут. Мало ли что говорят... А убийцу-то так и не нашли.

– Жаль, что зарезали... Спросить не с кого. Что еще нового?

– Родители твои померли.

Помрачнел Зарубин.

– Знаю. Был сегодня на кладбище. Завтра проснусь – пойду могилы в порядок приводить.

– А еще пожар у нас был... В субботу. Почти вся Залиния выгорела. Один только дом чудом уцелел – Василия Захаровича.

– Видать, и впрямь бережет бог хороших людей, – Иван серьезно. – А отчего пожар-то?

– Одни говорят – случайность, другие – халатность, третьи – поджог. А там поди разберись...

Когда водку допили, за окнами совсем светло стало.

– Ну что, Катя, спасибо тебе за хлеб-соль, – поднялся Зарубин из-за стола. – Пойду в гостиницу на ночлег устраиваться. «Турист» еще работает?

– Ладно, Ваня, в какую гостиницу в семь утра! Оставайся тут!

– А Коля твой?

– Договоримся. Я тебе тут, в зале, постелю.

Подумал гость и согласился: и впрямь, почему бы у одноклассницы не переночевать?

Стелет хозяйка простыню белоснежную и на Ивана исподтишка поглядывает. Видит Зарубин, что спросить его хочет о чем-то, да не решается почему-то.

– Может, Кать, спросить хочешь о чем-то?

Выпрямилась Катя.

– Хочу... Если можно.

– У меня все можно спрашивать.

– Вань, а Вань... Зачем ты в наш город вернулся?

Насупил Зарубин брови.

– Знаешь, Катя... Другой бы никогда не сказал. А тебе скажу. Мы все собираемся когда-нибудь раздать долги. И собрать их с других. И наступает время. Или не наступает. Так вот для меня – наступило.

Глава 2

1

Страшна Залиния после пожара. Трубы печные из опаленной земли возносятся. Сладкий запах падали ноздри щекочет. Собаки одичавшие по пожарищу бродят, тряпье обгоревшее мордами ворошат.

Погорельцы на пепелищах роются. Поднимают головы, смотрят удивленно на «Кадиллак»: с чего бы это господин Хомуталин с утра пораньше на Залинию-то пожаловал? Никак и впрямь собирается народу помочь?

Проехал лимузин Залинейный район насквозь, остановился у черной коробки бывшего Дома культуры, напротив единственной уцелевшей хаты.

Впрочем, уцелевшей – это мягко сказано. Черен тот дом, как антрацит кузбасский. Левый угол в огне обуглился, бревна наполовину прогорели. На ставнях да резных наличниках краска пузырями пошла. Стекла оконные в густом слое копоти – на самое яркое солнце сквозь такое стекло без опаски за зрение смотреть можно. Забор на земле лежит полусгоревший. Вместо фруктовых деревьев – пеньки торчащие.

Но живут в этом доме... Что и говорить – крупно повезло человеку. Весь Залинейный район без крыши над головой

остался, а тут – даже стекла оконные не полопались.

Открылась дверка «Кадилака», и вылез из-за руля мужик. Здоровый мужик, молодой, в себе уверенный, а главное – с глазами наглыми-пренаглыми. Еще бы: будешь тут скромным, раскатывая пусть не на своем, но все-таки на лимузине! Прошел двором, достал из кармана бумажку, взглядом по ней скользнул и в дверь по-хозяйски постучался.

– Алло, тут такой Василь Захарыч Щедрин живет?

А из-за двери ему – голос стариковский:

– Прошу вас, не заперто...

2

Проснулся Иван, приподнялся на кровати, головой мотнул, неприятное видение отгоняя. Взглянул на часы – лишь минут сорок, оказывается, поспал. Поднялся, поставил чемодан на койку, тетрадку в фиолетовой клеенчатой обложке достал.

В графе «Кредит» Валера Титов под первым номером стоит. Подумал Зарубин, взял карандаш и дважды фамилию-имя друга покойного подчеркнул. И решил сегодня же, как с кладбища вернется, собственным расследованием заняться. Чтобы наконец правду выяснить. Чтобы имя свое честное восстановить.

Наглоглазый, на хомуталинском «Кадиллаке» приехавший, прошел в дом. Без «здрасьте», без приглашения уселся в кресло. Закурил, затянулся глубоко и на хозяина посмотрел скучающе.

Немолод хозяин дома уцелевшего. Лет семьдесят ему на вид, а то и больше. Высок, строен, в брюках отутюженных, в черной жилетке поверх синей сорочки. Глаза голубые, прозрачные, чуть слезой тронутые. Очки старомодные. Морщины глубокие. Лицо доброжелательное.

– Вы ко мне, молодой человек?

– Короче, я от Петра Владимировича Хомуталина.

– От Пети, значит, – улыбнулся хозяин.

Нахмурился гость, но Василий Захарович, вопрос предвосхищая, продолжил:

– Он ведь у меня в школе учился. Я у него несколько лет классным руководителем был. И что же Пете от меня понадобилось?

– Петр Владимирович – депутат Государственной думы. Я его помощник, он меня сюда и прислал. И вот с чем: Залинейный район после пожара идет под снос. Целиком. И этот дом, – наглоглазый притопнул ногой по полу, – тоже.

– Позвольте узнать почему... – начал было хозяин, да не успел вопроса задать: опередил его порученец.

– Да, он в курсах, что дом этот – частное владение. Предлагает срочно переехать в однокомнатную квартиру, а дом с приусадебным участком пустить под снос.

– А для чего, позвольте узнать, ваш хозяин Залинейный район сносить собирается?

– Центр развлекательный тут будет. Павильоны разные с игральными автоматами, концертный зал, рюмочные всякие, где бухнуть можно задешево в любое время. Если получится – что-то вроде Диснейленда организуем.

– Что ж... Я рад за Петю. Рад, что дела у него хорошо идут. Рад, что о горожанам наших заботится... пусть даже и так своеобразно. Как-как вы сказали? Рюмочные, где бухнуть можно? Это в смысле выпить?

– Угу.

– Но вот только в одном Петю понять не могу: почему, предлагая мне из моего собственного дома выселяться, он моего согласия на то не испрашивает?

– Так не на улицу ж... Хату дадут. Со всеми удобствами. И, главное, бесплатно.

– И на том спасибо. Только не хочу я никуда выезжать. Понимаете ли, молодой человек, дом этот еще мой дедушка строил, больше ста лет назад. У меня в этом доме три поколения предков жило и умерло. Так что передайте Пете низкий поклон за предложение переехать в комфортабельную квартиру и мой решительный отказ принять его предложение.

Не ожидал порученец хомуталинский такого поворота. Не рассчитывал на отпор нарваться – пусть даже и такой вежливый.

– Ты че, старый козел, не въезжаешь? Тебе русским языком говорят: вали отсюда, пока Петр Владимирович не передумал. А то...

– Нельзя ли изъяснить свои мысли понятнее? – Василий Захарович с невозмутимой учтивостью. – Насколько я понял, вы мне от имени Петра Владимировича угрожаете?

Хотел было наглоглазый какую-то гадость сказать, да почему-то сдержался. Бросил окурок на пол, дорогим ботинком растоптал.

– Пожалеешь еще... – сквозь зубы процедил, развернулся и, не прощаясь, вышел из дому, хлопнув на прощанье дверью.

В любом городе всегда есть как минимум один отгороженный забором участок земли, куда народ наведывается редко, а если и наведывается, то лишь в урочные дни. Участок этот – сосредоточение огромных материальных ценностей, обычно не охраняемых.

Речь – о кладбищах. О плитах надгробных, памятниках, стелах и оградах, на могилах установленных.

Первым до этого дошел Булат Амиров из Дагестана...

Приехал он в наш город лет восемь назад, с родственниками. Сперва вели себя скромно. В драки с местными не вступали. На «Мерседесах» своих, анашой обкурившись, по городу не гоняли. К девчонкам нашим не цеплялись – разве что блядей у «Золотого петушка» по субботам снимали, куда уж без этого. Занялись «черные» законопослушным бизнесом: заключив договор с подотделом Управления жилищно-коммунального хозяйства, в ведении которого находились все городские кладбища, организовали они фирму «Ритуал». Конечно, ни Булат, ни его земляки гробов не носили и могил не копали – для таких целей местные ханыги есть. Из тех, что после Радуницы по кладбищам шастают, водку, покойникам оставленную, допивают да цветы со свежих могил воруют с целью дальнейшей перепродажи на ж/д вокзале. Дагестанцы же больше на руководящих должностях

осели.

Но уже тогда поползли о пришлых нацменах слухи нехорошие: мол, за определенную мзду басурмане эти безжалостные любого порешить могут. Нож под ребро – и ищи-свищи.

Пообтерлись дагестанцы, разбогатели на смертях чужих. Неслабо, кстати говоря, разбогатели. Потому что продолжительность жизни в нашем городе, что ни для кого не секрет, катастрофически падает. Водкой поддельной народ травится, суррогатами спиртосодержащими, воздухом отравленным дышит. Растет спрос на похоронно-ритуальные услуги, а это значит, что дагестанской фирме банкротство никак не грозит.

Тем более что скоро из Дагестана очередной десант прибыл – человек сорок, наверное, за год понаехало. С семьями, с детишками, со скарбом домашним. И пошли на Климовке коттеджи расти, как поганки после июньского дождя.

Смотрит народ окрестный на богатство кавказское, диву дается: мы-то, мол, всю жизнь ишачим, а сотой доли того не имеем! И откуда только люди деньги берут?!

Вот тогда-то и вынырнул из какой-то городской подворотни слух – откуда.

Начало тому слуху было такое. Умерла якобы у какого-то бизнесмена жена. Похоронил вдовец свою половину и спустя год, как могилка осела, пошел на Климовку – памятник заказывать. Встретили там мужика приветливо, отвели в мастерскую кладбищенский ассортимент демонстрировать. За

полторы штуки долларов, мраморный, со скульптурой скорбящей бабы не желаете? Что, дорого? Тогда вот этот: точно такой же, но без бабы, всего штуку просим. Что, тоже дорого? А вот такой: простенький, черного гранита и без архитектурных излишеств. Пятьсот хотим, но торг уместен. Что – побогаче желаешь и за ту же цену? Вай, неужели действительно так жену любил? Прими, конечно, соболезнования, но на тебя, мужик, не угодишь. Посовещались дагестанцы по-своему, перемигнулись и заговорщицки клиента манят: пойдем, мол, дорогой, покажем кой-чего. Завели в закуток двора, а там памятников валяется – что пустых бутылок на свежей могиле после Радуницы! И все какие-то замшелые, грязные. Короче говоря, даже невооруженным взглядом видно – б/у. Смутился было вдовец: как, откуда? А «черные» ему: да ты, мол, не менжуйся, в соседнем городе старинное заброшенное кладбище снесли, так мы по дешевке лучшие надгробья и скупили. Зачем добру пропадать? Послужили одним покойникам камни бездушные – пусть и другим послужат.

Подумал коммерсант, почесал в затылке... И согласился памятник с чужой могилы приобрести. Да и цена подходящая: ровно в половину дешевле мраморного надгробья со скорбящей бабой, а выглядит-то куда богаче! Точь-в-точь как у двоюродного брата, который пять лет назад на машине разбился. Подписал мужик договор, заплатил деньги, вернулся, чтобы еще раз покупкой полюбоваться, взглянул на

приметную царапину, да в обморок и грохнулся. Короче говоря, памятник тот вовсе не из соседнего города и не с кладбища старинного, что под снос пошло. С нашего Долгобродского кладбища памятник оказался. С могилы брата, в аварии погибшего...

Естественно, вопрос возникает: куда же милиция и прокуратура смотрят? А никуда не смотрят. Потому что менты наши Булата Амирова любят. А он им за это деньги дает – чтобы еще больше любили. Умерших родственников ментовских под бэушными надгробьями хоронит по льготному тарифу. Места им на кладбищах лучшие организывает. А самое главное – за все время существования «Ритуала» не зафиксировано ни одного заявления об осквернении могилы или воровстве ритуальной собственности покойных. Потому как памятники воруются грамотно и с умом. А раз нет заявления – и уголовное дело нет смысла возбуждать.

5

Утро туманное, утро седое; всего-то конец августа на дворе, а белые ключья по всему кладбищу стелются, за ограды, памятники да стелы цепляются. В низинах туман так густо разлит, что лишь верхушки надгробий да крестов из белой ваты торчат.

Идет Иван главной аллеей, помахивает сумкой с саперной лопаткой да топором, у Кати позаимствованными.

Неожиданно откуда-то спереди, из молочного марева, выплывает высокий визжащий звук. Еще мгновение – и два слепых электрических конуса скользят по лицу Зарубина. Нарастает визг, выплывают из белого марева расплывчатые желтые пятна.

Остановился Иван: что это?

По главной аллее Дмитровского кладбища медленно катит тяжелый «Урал». Обыкновенный «Урал», каких сотни. Но то, что позади кабины возвышается, сразу на себя внимание обращает: эдакий гибрид маленькой высоковольтной мачты и зенитного пулемета. Но это так только в густом тумане кажется. А если присмотреться хорошенько, сразу ясно становится, что оборудован грузовик небольшим механизмом вроде подъемного крана.

В кузове – трое. Ежатся от холодка утреннего, курят, на ладони красные хукают, перебрасываются ленивым матерком.

В кабине «Урала» – еще двое.

На водительском месте – молодой крепкий мужик в потертой кожанке. Нерусский мужик, сразу видно: лицо смуглое, волосы черные, нос крючковатый. Цепким взглядом впереди себя вперился, силится сквозь туман перспективу аллеи кладбищенской рассмотреть. Лишь изредка сквозь зубы цедит, к соседу не оборачиваясь:

– Долго эщо?

Рядом с водилой – куцый, невыразительный мужчинка с красными слюнявыми губами. Смотрит на водилу-кавказца подобострастно, преданно, с собачьей ласковостью.

– Еще метров пятьдесят, – пыхтит похмельно, дыша пере-

гаром и чесноком. – Ну и туманище – ни хрена не видать!

– Слыш, Валык, а ты спяну ашыбытыся нэ мог? – крючконосый ему, не оборачиваясь.

– Да что ты! Еще на прошлой неделе памятник этот за-сек. Дважды ходил, измерял... А главное, родственников у покойников этих никого не осталось!

Сообщил ханыга о родственниках, кашлянул и отвернулся – как человек, который не слишком убедительно врет.

Плывет огромная машина в тумане, противотуманными фарами дорогу освещая. Лежат волосатые клешни кавказца-водилы на руле. А Валик Кучинский – это он рядом сидит, тот самый любитель халявы, который вчера вечером так некстати Ивана Зарубина опознал, – все время головой по сторонам вертит.

Мало кто в нашем городе знает о побочном промысле Валика.

Даже в ментовке, где он добровольным стукачом подвизается, и то не догадываются. Да и сам Кучинский о своем маленьком промысле распространяться не желает, потому как за такие дела у нас побить могут, и даже до смерти. А промысел этот такой: в свободное от работы время (а оно все свободное) лазит Кучинский по городским кладбищам, выискивает могилы бесхозные с надгробьями побогаче. А отыскав что-нибудь подходящее, бежит на Климовку, в дагестанскую фирму «Ритуал», и докладывает: мол, отыскал классный памятник белого мрамора, могила запущена. Дагестанцы, по

своим каналам родственников покойника пробив, отправляются на кладбище и оценивают находку, после чего отстегивают следопыту за наводку.

Вертит Кучинский головой быстро-быстро, будто она у него на шарнирах.

– Стоп, стоп! Приехали! – радостно. – Вон за тем деревом тормози...

Открыл Валик дверку, на влажную траву спрыгнул.

Водила-дагестанец – за ним.

Подошли к обелиску красного гранита, сверились – верно, тот самый памятник, который наводчик пару дней назад показывал.

Неухожена могила. По всему видно – давно тут людей не было. Калитка металлическая землей заплыла. На холмиках крапива в человеческий рост да мусор.

На красном граните – два фотоснимка.

Слева – пожилая женщина с уставшим лицом. Справа – моложавый мужчина.

И надписи: «Зарубина Мария Васильевна, 1932–2002». «Зарубин Алексей Иванович, 1935–2007».

Возвышается на главной кладбищенской аллейке «Урал». Желтый свет фар в тумане растворяется. Двое мужиков из тех, что в кузове приехали, уже в ограде суетятся. Грязными сапожищами по холмикам могильным топчутся, дисковой пилой-болгаркой металлические штыри спиливают, которыми памятник к цементной подушке крепится. Третий в кузове подъемный механизм разворачивает. Визжит пила-болгарка взбесившейся бор-машиной, сыплют в пожухлую траву синие искры. Один штырь перепилили, второй, третий...

А водила-дагестанец, который в группе захвата за главного, процессом руководит.

Грузят мародеры кладбищенские памятник на салазки, с подъемного крана свисающие, крепят металлической сеткой и не замечают: подошел к передку «Урала» какой-то мужик.

Роста огромного, кудри смоляные, чуть сединой тронутые.

В ногах – сумка матерчатая с каким-то инструментом.

Явно не по себе подошедшему: остолбенело стоит, глазам своим поверить не может...

Стоит Иван, смотрит, как памятник с могилы родителей среди бела дня воруют, и никак увиденному поверить не может.

Да и какой нормальный человек в такое поверит! Такое даже в самом кошмарном сне не пригрезится... И лишь когда поставили мародеры надгробье на салазки, сбросил с себя Зарубин оцепенение.

– Да что же вы, суки рваные, делаете! – крикнул, да так зычно, что все – и те, что в ограде памятник на салазки ставили, и тот, который подъемом руководил, и дагестанец-водила – враз к нему обернулись.

А наводчик Кучинский, Ивана узнав, сразу в кабину юркнул, с сиденья под приборную доску змеем скользким сполз и съежился.

Опешили мародеры. Видать, впервые их за этим гнусным промыслом засекли. Вот и растерялись с перепугу... Ненадолго, правда.

Первым в себя кавказец пришел.

– Чэго надо, мужык? Иды своей дорогой, пока мы тэбя нэ трогаэм!

Шагнул Иван к кавказцу. Отшатнулся тот в испуге – больно безжалостными ему глаза этого мужика показались. Понял кавказец: нельзя ждать добра от человека с таким взглядом!

дом.

Правильно понял, но поздно, потому что подошедший, недолго думая, коротким хуком справа врубил мародеру по морде.

Охнул вор, набок заваливаясь. Но Ивану и этого мало: саданул он ботинком прямо в солнечное сплетение врага. Перешагнув через тело, к мужикам, что в ограде стояли, обернулся. Страшно им очень стало: у обоих зубы мелкую дробь выстукивают, грабки немытые трясутся, словно с бодуна... Оба они в ограде кладбищенской стоят, что звери в клетке. Ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Даже с места не могут сдвинуться: одно неловкое движение – и памятник со штырями перепиленными, соскользнув с бетонной подушки, враз кого-нибудь из них да раздавит.

– Это не мы... Это все «черные», даги... – насилу вымолвил тот, что слева. – Они тут на всех кладбищах хозяева... Мы что, мы люди маленькие! Булат тут такой всем заправляет... Амиров Булат.

– Они нам сказали, мол, чью-то могилу переносить будут, – с вдохновением соврал тот, что справа. – Нам заплатили, мы и делаем, что нам сказано... А что, мужик, родичи твои тут похоронены?

Отходчив Иван. По всему видно, что мужики – людишки случайные. Видать, нанял этот кавказец каких-то алкашей из-под гастронома, пообещал по флакону водяры на рыло, те и согласились.

А еще доверчив Иван. Не может он поверить в то, что человек так низко пасть может – памятники с чужих могил красть.

– Так, шутовину эту снимите, – кивнул Зарубин на салазки, под надгробье установленное. – Чтобы через пять минут было все как раньше.

Доверчив Иван, а зря. И невнимателен, а это тоже плохо.

Стоит Зарубин спиной к борту «Урала» и не видит, как третий мужик, который в кузове подъемом памятника руководил, прямо над его головой руку с монтировкой занес...

Под утро Хомуталину приснились джинсы.

Хорошие джинсы, «Wrangler» называются. Не «самострок», не лицензионные, не мальтийские, а настоящие стейтовские.

Конечно, Петр Владимирович джинсов уже давно не носит. Не к лицу они такому уважаемому человеку, как он. Но было время, когда носил. И не только носил, но и делал на них неплохой бизнес...

...Ах, восьмидесятые! Ах, эпоха застоя! Петр Владимирович даже во сне, те времена вспоминая, улыбается. Золотое времечко, когда начинались многие блестящие карьеры, когда деньги можно было делать из воздуха. В том числе и освобожденному секретарю комитета комсомола политехникума Петру Хомуталину.

В те времена понаехали в наш город арабы да негры – учиться. Теперь уж никто не скажет, почему эти дети отсталых народов так в наш скромный райцентр рванули. Может, слухи об учености профессоров местных аж до Северного Йемена да Верхней Вольты докатились, а может, не о профессорской учености те слухи были, а о красоте местных телок да о дешевизне бухла... Только в те времена было у нас иностранных студентов, что грязи на Дмитриевом Посаде весной. Человек пять арабов да человек десять негров

в политехникуме оказались. Оказаться-то они оказались, да только никто из них гранит наук грызть не хотел, к премудрости книжной не стремился. Да и зачем? Понимают представители прогрессивной молодежи восточных и южных стран, что дипломы и так получают, потому что за каждого валютой плачено. А насчет знаний – и того проще: сумеешь в песках Сахары да в экваториальных джунглях синус от косинуса отличить – гляди, за академика и сойдешь. Короче говоря, и негры, и арабы не учиться предпочитали, а бухать напропалую да срамных девиц в номера общежития водить.

А бухло да девки, какими бы они дешевыми ни казались, все-таки денег стоят. Вот и решили коммерчески продвинутые иностранцы свой бюджет пополнить перепродажей разных красивых заграничных вещей: джинсиков, рубашечек, кроссовочек да маечек с надписями не по-нашему. Ясно, самому на рынок с барахлом заграничным не сунешься: страшно. Сокурсникам много не продашь: советскому студенту на пачку «Примы» да бутылку «Жигулевского» не всегда хватает. Что же делать?

Смотрит освобожденный комсомольский секретарь политехникума на страдания прогрессивной зарубежной молодежи, сочувствует. И думает: почему бы классовым братьям не помочь?

Контакт со студентами иностранными ему по должности положен: «политико-воспитательная работа». Бояться в родном техникуме вроде бы некого, облик морале вне подозре-

ний. А насчет перепродажи барахла заграничного – так это и вовсе не проблема: вон друг детства, профессиональный фарцовщик Миша Супрун, любую партию товара за сутки загонит.

Посмотрел Петя, пообщался с иностранцами, переговорил с фарцовщиком Супруном – и решился. Предложил заграничным страдальцам свою помощь. И здорово, между прочим, у него сразу бизнес пошел: прониклись к нему негры да арабы доверием; видно, классовое чутье у них здорово сработало. Короче говоря, за несколько недель перепродажа арабско-негритянского барахла была поставлена на конвейер. Петя все это барахло фарцовщику Супруну на реализацию отдает, тот модникам городским загоняет, а прибыль – пополам.

Вскоре, однако, закончились у иностранных студентов шмотки. Да и деньги советские, видать, тоже закончились. Иначе бы знакомые алжирцы ему другой товар не предложили... Увидел Хомуталин товар предложенный, испугался не на шутку. Чего уж, по тем временам всякий такого испугается! А товар такой: небольшая прямоугольная бумажка серо-зеленого цвета. На одной стороне – мужики какие-то волосатые да надписи не по-русски.

На другой – достопримечательности города Вашингтона и тоже надписи не по-русски. Короче, товар предложенный деньгами американскими оказался. Баксами называются. В середине восьмидесятых такие деньги советскому человеку

только в прогрессивных иностранных фильмах «об их нравах» положено было видеть, но в руках держать – упаси бог!

С одной стороны, конечно, заманчиво бакс по два советских рубля покупать вместо четырех по курсу черного рынка. С другой – боязно: страшный-страшный КГБ, статья УК «Валютные махинации», конец карьеры, показательный суд, этап, Сибирь...

Короче говоря, прощай, Родина и карьера. Посоветовался Хомуталин с фарцовщиком Супруном, подумал, прикинул... И вновь согласился.

А чего ему, собственно, бояться? Стучать на него арабы не станут – самим валютоторговля боком вылезет. Перепродавать баксы комсомольский секретарь тоже не будет – на это Миша Супрун есть. Главное, чтобы свидетелей валютных махинаций рядом не оказалось...

Вот тут-то Петя и промахнулся, потому как о фарцовочном его бизнесе прознался каким-то образом Владимир Янчевский – помощник директора политехникума по работе с иностранцами. То, что Янчевский штатный кадр КГБ, – это даже уборщицы в техникуме знали. Но как ему о валютных махинациях Хомуталина стало известно – то никому неизвестно.

КГБ, оно и есть КГБ.

Короче говоря, как-то погожим весенним вечером позвонил товарищ Янчевский товарищу Хомуталину домой и предложил: не хотел бы ты, дорогой товарищ, встретиться

в неофициальной обстановке, по городу погулять, пивка попить, о том о сем побеседовать? О чем? Да об идейно-воспитательной работе, например...

Оробел Хомуталин, но отказать не посмел. В общем, встретились они, да так целых полтора часа проговорили. Выложил Владимир Иванович перед вождем комсомольским весь компромат: и про шмотки заграничные, и про бумажки зеленые, и еще кой про что. Схватился Петя за сердце, хотел на колени пасть: не губи, мол! Улыбнулся Янчевский ласково: да ладно, это я тебе не по службе, а по дружбе скорее, чтобы от поступков необдуманных предостеречь... Улыбнись, комсомольский товарищ, расслабься, пошли лучше пива выпьем да на отвлеченные темы поговорим!

Какие отвлеченные темы они там за пивом обсуждали – неизвестно. Но не сдал после той беседы чекист Янчевский секретаря Хомуталина славным органам.

А с началом перестройки и «ускорения» карьера хомуталинская круто вверх пошла. Ко-оператив открыл под крышей Центра молодежной инициативы. Затем видеосалон. Затем кафе в центре города. А затем себя целиком и полностью бизнесу посвятил. Разбогател Петр Владимирович невероятно, весь из себя такой важный-преважный, крутой-раскрутой. Фуа-гра жрет, черной икрой срет, из заграниц не вылазит.

А вот Янчевский больших денег не зарабатывает. Да и не стремится. Импортом-экспортом не занимается. Да и не уме-

ет. В депутаты Государственной думы не лезет. Да и не желает. А все потому, что занят Владимир Иванович серьезным и ответственным делом: охраняет он мирный труд и безопасность сограждан. Так его работа теперь и называется: Федеральная служба безопасности. Видимо, немалых успехов он в этом благородном деле достиг, потому что за исторически короткие сроки вырос от лейтенанта до подполковника. А подполкан «конторы» для нашего небольшого города, между прочим, величина очень серьезная.

С Хомуталиным встречаются нечасто. Ну, на торжественном приеме в мэрии, когда Николай Борисович Лукьянов, хозяин города, по поводу какого-нибудь юбилея коллективную пьянку на три дня закатывает. А вдвоем, без свидетелей, они лишь четырежды за последний год виделись. О чем говорили – никому неизвестно. Но не о комсомольской молодости наверняка. И не о деньгах. Неужели Янчевский, всю подноготную хомуталинскую зная, не мог бы с него хотя бы несколько десятков тысяч долларов легким рывком скачать? Но не деньги их связывают, точнее, не только деньги, а какая-то круговая порука, лишь им двоим известная.

Водяру, конечно, много чем можно закусывать. Одни под водовку отбивные предпочитают. Другие селедку иваси. Третьи – винегрет. Четвертые вообще не закусывают, а только рукавом занюхивают. Пятые...

Коля Михеев, Катин сожитель татуированный, в закусывании спиртного – настоящий эксперт. Была бы такая наука, закусология, быть бы Коле академиком. Много вин, водок, денатуратов да лосьонов Михеев перепробовал. Много продуктов разных на закуску извел. Но остановился, как ни странно, на манной каше.

Главное в пьянке что? Правильно, главное – грамотно проблеваться, когда водяры в организме переизбыток. Хорошая отбивная, конечно, вкусна, но непережеванный кусок мяса может при рвоте в пищеводе застрять. Селедкой закусывать и того хуже, потому как мелкие кости обязательно горло оцарапают. По той же причине не подходит и винегрет. А вот каша манная – самое то. Потому что гарантирует полный комфорт при освобождении желудка от рвотных масс. Да и дешевле, чем мясо, селедка и винегрет, между прочим...

За окном запотевшим пелена белая. Туманное утро сегодня выдалось – даже стены сарая напротив не видать. За столом кухонным Коля сидит. Поддатый уже – после вчерашней

пьянки с гостем ночным сбегал к соседке, которая самогоном торгует, поллитру в долг на опохмел выпросил. Сидит Михеев, ложкой алюминиевой кашу хлебает, самогоном запивает.

И все хорошо было бы, если бы не раскрылась дверь спальни и не вошел бы на кухню мальчуган лет пяти. Сашка, Катин сын от первого брака. Подошел к столу, улыбнулся беззлобно и в тарелку с дымящейся манной кашей смотрит.

Нахмурился Михеев. Закуси, по его разумению, уже в обрез. На вторую поллитру, если и ее соседка в долг даст, точно не хватит.

– Чего тебе, выблядок? Что, опять жрать захотел?

Подумал Коля, к бутылке потянулся. Набулькал в стакан граммов тридцать самогонки.

– Бухнешь – дам тебе каши.

Взял малыш стаканяру, пошла мерзкого пригубил и тут же закашлялся. Да так сильно, что даже слезы на глаза навернулись.

– Слабак, – оценил Михеев, стакан забирая. – Не выпил, значит, и закуси не получишь. Короче, иди на хрен, не мельтеши перед глазами.

И замахнулся на Сашу, делая вид, что ударит.

Прикрылся малыш локтем, но от стола не отходит. Видать, и впрямь ему сильно кушать хочется.

Вскипел Коля.

– Те чё, на хуль, сказано? Я тя кормить не обязан – пусть

тебя мамка твоя кормит!

Кураж пьяный у Коли пошел. Кулаки татуированные так и чешутся. Страшно хочется кому-нибудь в морду дать. Все равно кому: хоть женщине беременной, хоть ребенку пятилетнему, хоть маме родной... Главное, чтобы отпора не получить. Поднялся Михеев с табуретки, но равновесия не удержал – на пол шлепнулся. Хочет до мальчугана кулаком дотянуться, но подняться не может. Еще пуще он от этого разозлился. Вытянул из брюк ремень солдатский с бляхой латунной, поднялся неуклюже – и на Сашку двинулся...

Темно-зеленый «Урал» перед железными воротами остановился. Посигналил несколько раз, отъехали ворота, и вкатил грузовик во двор.

Невелик дворик, не больше огорода типового в частном секторе. Только ни грядок овощных, ни деревьев фруктовых, понятное дело, нет. Справа от ворот – строение двухэтажное, на казарму похожее. У входной двери табличка прибитая: ЗАО «РИТУАЛ». За ним – сарайчик. Звуки из сарайчика неприятные доносятся: явно что-то электрическое работает вроде шлифовального станка по камню. А посередине двора памятники, стелы да надгробья вповалку лежат.

Открылась дверка водительская, и вышел из кабины «Урала» нерусский мужик с крючковатым носом. Впрочем, вышел – это слишком мягко сказано. Не вышел он – выполз скорее. Выполз, а отойти от машины не может. Только и осталось у этого нерусского сил, что на грузовике до двора доехать... Морда что кусок сырого мяса, шеф-поваром ресторана «Золотой петушок» отбитого. Нос бесформенной картошкой распух. Глаз левый заплыл начисто. Да и правый не лучше...

Стоит избитый у кабины, качается, как молодая береза на ветру. И не видит, как из двери двухэтажного дома к нему кражистый бородатый мужик идет.

Ужасен мужик этот, как сто дагестанских боевиков. Борода черная, зубы белые, взгляд терроризирующий. Хотя тут еще поспорить можно, кто страшнее: боевик какой-то или Булат Амиров...

Дошел Булат до избитого, взглянул на него удивленно.

Спросил что-то не по-русски. Не сразу ответ получил: пока дошло до приехавшего, пока он вопрос мозгом побитым переварил, пока фразу сформулировал...

Дослушал Булат, отошел в сторонку.

И кто же это такой борзый нашелся, а? Что там на памятнике красного гранита написано – «Зарубины»? Вай, как интересно!

Рассеивается туман на Дмитровском кладбище. Лишь кое-где в низинах ключья полупрозрачные лежат. А на главной аллее только дымка белесая стелется.

Бредет по аллее Иван. Кровь алая по лицу струится, глаза застилая. Рваная рана на макушке печет.

Но страшен теперь Иван и свиреп. Страшны глаза его, страшны кисти огромные, в кулаки сжатые. Была бы у него шерсть, как у волка, – стояла бы та шерсть теперь дыбом.

Вышел с кладбища – и сразу налево, к хатенке о трех окнах. Утер кровь платком носовым, приложил платок к ране – и на крыльцо.

Только дверь открыл – детский крик уши резанул:

– Не бей меня, дядя Коля!..

– Эт-та в моей-то хат-те меня объедать! – ревет пьяный Михеев.

Заходит Зарубин в дом и видит: возвышается у кухонного стола татуированный Коля с солдатским ремнем в руках, а на полу лицом вниз мальчуган лет пяти лежит. Свистит ремень, пряжка в спину детскую впечатывается, следы багровые оставляя. На лице Колином – удовлетворение палаческое.

Задышал Иван. Шагнул к садисту-алкоголику, приподнял за шиворот куртки – и в стену швырнул. Михеев даже уди-

виться не успел – отрубился мгновенно. А Иван, схватив алкаша за волосы нечесанные, мордой его в стену! И еще раз! И еще!

Скрипнула дверь – обернулся Зарубин.

Стоит на пороге Катя, увиденному поверить не может.

– Ваня, вы что – уже подрались? Это Коля тебя так избил?

Выдохнул Зарубин из себя воздух, отпустил Михеева, взглянул мельком в зеркало над умывальником и только теперь суть вопроса понял: выглядит он ничем не лучше мужа Катиного.

– Нет, Катюша, не он...

– Что у вас тут случилось? Да кто же тебя так, Ванечка?..

А Сашка пятилетний – из-под стола:

– Мамка, мамка!..

На завтрак: хрустящая булочка, несколько ломтиков сыра, кубик сливочного масла, яйцо всмятку и кофе. Так, говорят, британские аристократы завтракают. Петр Владимирович Хомуталин, хотя в Англии и бывал, но с аристократами тамошними за одним столом еще не сиживал. Он их только по сериалам телевизионным да книгам бульварным представляет. Но походить на киношного сэра Генри очень хочется. Кто, собственно, сказал, что человек его положения не аристократ? Ведь аристократ, в понимании бывшего комсомольского секретаря, этот тот, у кого очень много денег. Вот и завел он у себя дома порядки, которые считает аристократическими.

Сидит Хомуталин, ковыряет серебряной ложечкой яйцо, слушает доклад порученца наглоглазого. Еще вчера вечером Петр Владимирович приказал ему на Залинию отправиться, с Щедриным насчет переезда переговорить.

– Был? – Хомуталин лениво.

– Да.

– Согласился?

Потрогал порученец ворот рубашки так, словно не ворот это, а собачий ошейник, дыхание нарушающий.

– Нет, Петр Владимирович, не хочет. Дед тот упертый какой-то...

– Вот как?

– Да и вас почему-то не по имени-отчеству называл, а... извините, Петей. Говорит, якобы учителем в школе был, а вы в его классе учились... Врет, наверное.

– Не врет. Ты ему про квартиру новую говорил?

– Говорил.

– А он?

– Ни в какую.

Достал Петр Владимирович из кармана блокнот в обложке сафьяновой, написал несколько предложений, дернул листок – и порученцу дает.

– Не хочет добром – иначе будем действовать. Съезди-ка к Коноплеву, в ментовку. Записку от меня передашь. Сейчас позавтракаю и позвоню ему. Все, пока...

– ...Короче, получил я от того, кто в кузове сидел, в голову, а что потом было – не помню. Сколько без сознания был – тоже не помню. Очнулся – памятника на могиле родительской нет, только штырьки перепиленные торчат. И «Урала» этого след простыл...

Закурил Зарубин, взглянул на бывшую одноклассницу и спросил неожиданно:

– Послушай, а Булат... Амиров, кажется. Кто это? Расскажешь?

Недолгим рассказ у Кати вышел. Недолгим, но выразительным. Повела она собеседнику и о «Ритуале», и о том, что менты городские Булатом куплены на корню, и о том, что боятся дагов в нашем городе...

– Мы, Ваня, много что от жизни терпим, – вздохнула Катя. – Притерпелись уже...

Поднялся Иван из-за стола, в сени пошел – обуваться. Да так решительно, что показалось Кате: прямо отсюда пойдет он на Климовку, с Амировым этим разбираться.

– Ты куда, Ванечка? Не ходи туда!

– А я и не туда вовсе.

– Куда же?

– Я ведь еще вчера тебе говорил: к Василию Захаровичу зайти надо, к учителю нашему... На Залинию я, Катя, не

бойся!

К Василию Захаровичу Щедрину.

Замначальника ГУВД Коноплев Семен Геннадьевич порученца хомуталинского в дверях встретил. Не всякому такая честь – Семен Геннадьевич даже к прокурорским следкам из-за стола не выходит. А все потому, что уважает товарищ майор Петра Владимировича до чрезвычайности. Но не Хомуталин теперь в ГУВД прибыл, а потому вся любовь, все уважение – порученцу его наглоглазому.

Изогнул Коноплев спину, о делах Петра Владимировича осведомился. Затем спросил кротко, чем обязан. Сказал порученец чем и листок, из блокнота сафьянового вырванный, в майорские руки сует.

– Они мне уже звонили. – Семен Геннадьевич о Хомуталине даже за глаза выражается исключительно во множественном числе, точно старый лакей об отсутствующем барине. – Я уже в курсе. Позвольте...

И записку осторожно разворачивает, словно не листок это бумаги, а папирус редкостный из гробницы Тутанхамона.

Прочитал, кивнул, еще раз прочитал. И всем видом своим демонстрирует: что вы, такие мелочи, не извольте беспокоиться!

Потянулся товарищ майор к телефону.

– Родионов, зайди ко мне. Что, на дежурство заступаешь? Скажи кому-нибудь, чтобы тебя подменили. Ничего, я раз-

решаю...

Злоба мажет душу, как сажа – простыню. Злоба переполняет естество терпким змеиным ядом, вытесняя все остальные чувства.

И не остается больше в душе места для добра и красоты, и не находит себе человек места, пока не утвердит справедливость...

Столько лет не было Ивана на родине! Каждый день, каждый час вспоминал он родной город. Думал: вернется он, а там все наладилось. Встретится с друзьями, вспомнит былое, докажет непричастность свою к тому давешнему убийству своего друга... Одни долги раздаст, другие взыщет. Чтобы по-честному. И заживет...

Идет Зарубин по вечернему городу, как хозяин по необъятной родине своей. Вспоминает рассказы Катины. О подонках вроде Хомуталина, до денег да власти дорвавшихся. О друзьях умерших да съехавших. О непонятном пожаре на Залинии.

Вспоминает воров кладбищенских. Вспоминает Колю тауированного, как тот, гадина, малыша из-за тарелки манной каши избил.

И закипает Иван дикой злобой...

Проехал потрепанный «Жигуль» с милицейской символикой Залинию сгоревшую и остановился напротив единственного дома, в пожаре уцелевшего. За рулем – сержант. Рядом – старшина. На заднем сиденье старлей угреватый развалился. По рожам ментовским видно: не слишком им хотелось на пожарище ехать, начальственный приказ выполнять. И приказ этот, мягко говоря... не очень законный. И денег заработать с такого приказа возможности никакой.

Старлей, то и дело на домик обугленный глядя, сквозь зубы цедит:

– Ладно, пошли. – Офицер, достав из кармана два патрона от «ПМ», подбросил их заскорузлой ладонью и из салона наружу полез.

Вышли милиционеры из «Жигуля» и видят: стоит на крыльце высокий стройный старик. Увидал сотрудииков органов правопорядка, улыбнулся приязненно.

– Ко мне, молодые люди?

Старший лейтенант вопрос проигнорировал.

– Щедрин?

– Да. Щедрин Василий Захарович.

– Документы есть?

– Всегда при себе.

И паспорт учтиво протягивает.

– Так, дед, нам твою хату осмотреть надо, – офицер развязно, паспорт листая.

Хотел было милицейский офицер оттолкнуть старика, но в этот самый момент засек боковым зрением: идет к дому какой-то высокий мужик с головой перебинтованной. Высокий мужик, массивный, явно в себе уверенный, – чем-то медведя-шатуна напоминает.

Сплюнул старлей на траву сгоревшую: тьфу, бля, свидетель так некстати появился! Но мыслей своих вслух высказать не решился: что-то такое в облике подошедшего есть, что даже у него невольное уважение вызвало.

А старшина с сержантом на начальника смотрят недоуменно: ну, что же ты, товарищ старший лейтенант, осекся?..

Подходит Зарубин к дому учителя любимого и видит: стоит Василий Захарович на крыльце постаревший, поседевший, но такой же интеллигентный, как и раньше. А сопляк-старлей, который ему во внуки годится, явно наезжает. А рядом – мусора тупорылые лыбятся, словно так и должно быть.

И вновь падает у Зарубина планка реальности. Понимает Иван: главное теперь себя в руках сдержат. Потому как не сдержится – убьет он на хрен и старлея развязного, и сержанта со старшиной.

Убить-то убьет... Убить – дело нехитрое. А дальше-то что? Не затем он, Иван, на родину вернулся, чтобы ментов убивать. Сперва долги раздать и взыскать надобно...

Достал Зарубин из внутреннего кармана куртки кошелек, извлек из него купюру стодолларовую, зажал в кулачище – и к ментам.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился с улыбкой резиновой, а у самого аж зубы от ненависти скрипят, – на минуточку можно? Хочу сделать важное заявление.

Взял Зарубин милиционера под локоточек, за обугленный угол дома завел, сказал пару фраз, какие обычно в подобных случаях милиционерам говорятся, – и купюру в нагрудный карман кителька незаметно так сунул.

Подобрел старлей.

– Ну, ясное дело, ошибочка... Вы уж извините!

И, на Василия Захаровича не глядя, – к «Жигулю» милицейскому двинулся.

Опешили старшина с сержантом.

– Товарищ старший лей... – Сержант было начал.

А товарищ старший лейтенант им сквозь зубы:

– Пошли... Быстро, быстро, потом расскажу.

Подошел Зарубин, обнял любимого учителя осторожно, будто бы раздавить в могучих объятиях боясь.

– Да я это, Василий Захарович! Я, Иван Зарубин...

19

За окном ночь. Густая ночь, черная как смола. За окном дождь. Косой дождь, сильный; крупные капли по стеклу горохом бьют.

За столом двое. Щедрин Василий Захарович, хозяин. И Зарубин Иван Алексеевич, гость. Водка на столе, огурчики консервированные, хлеб да сало. За столом – беседа. Долгая беседа гостю с хозяином предстоит, не иначе как до утра. Зато теперь им уж точно никто не помешает.

Двое их только. На всю ночь. На весь город. На весь мир...

Глава 3

1

Три часа ночи. Над сгоревшей Залинией сумрак чернильный разлит. Лишь месяц молодой на мгновение блеснул из-за тучи да тут же и спрятался. В доме, единственном уцелевшем, тишина гробовая. Кухня с круглым столом посередине. Над столом абажур старомодный, зеленый, с бахромой по краям. За столом – хозяин и гость.

Держит Зарубин в огромной ручище граненый стакан, до самых краев водкой наполненный, учителю своему бывшему улыбается. А у Василия Захаровича спиртного в стакане – лишь на доньшке самом. Сколько налил ему гость в самом начале застолья, столько же почти и осталось. Не употребляет Щедрин крепких напитков. Только из уважения к Ивану после каждого тоста подносит стакан ко рту да тут же на стол и ставит.

– Так объясни мне, Иван, поподробнее. Не пойму я что-то – зачем ты вернулся, о каких долгах старых вспомнил?

– Понимаете, Василий Захарович, вот уже столько лет с тяжким грузом в душе живу. Не могу так больше.

– Это ты о Валере Титове?

– Да... И не только о нем.

– Но ведь тебя, как я понял, не только это тяготит? – Василий Захарович продолжил; пронизательный он человек, недаром учителем столько лет проработал. – Тебе ведь, наверное, за все это время лет не только убийство Титова вспоминалось?

– Да уж... Память у меня хорошая. На все: и на зло, и на добро. Умнее я стал... И злее. Как сейчас помню: глухая февральская ночь, зимовье охотничье, на сто верст вокруг – ни единой живой души. Волки воют, вьюга за мерзлым окошком хохочет. И я один-одинешенек. И знаете, интересная мысль тогда ко мне пришла. А главное – очень простая. Большинство дел, которые мы когда-нибудь собираемся сделать, но откладываем, мы откладываем навсегда. На всю жизнь оставшуюся. Долги, например. Это только кажется: вот, закруглю все дела да пойду по должникам да кредиторам, одни долги заберу, другие раздам.

Неправильно кажется. Во-первых, все дела закруглить невозможно – одни проблемы решишь, другие тут же навалятся. А во-вторых, Василий Захарович, никто своего срока не знает – кому и сколько жизни этой отмерено. А вывод из всего этого такой: никогда никому не одалживай и в долг не живи. А уж если получилось, что ты кому должен или тебе, отдавай и забирай тут же, при первой возможности. Это не только к деньгам относится.

За дела хорошие и плохие тоже с людей взыскивать надо.

Всегда.

Закончил Иван, а бывший учитель его взглянул на него серьезно и строго.

– Благородная праведность привлекает? За добро – сторицей, а за зло – око за око? Всем сестрам по серьгам, всем братьям по ушам?

– А разве плохо?

– Насчет того, чтобы за добро сторицей, правильно. Но не совсем. Добро людям всегда надо делать. Просто так, ни за что. А вот насчет того, чтобы зло наказывать... Это, Ванечка, мстью называется. А разве месть кого-нибудь до добра доводила? Ни у кого нет прав других людей судить.

– А права никто никому и не дает, – Зарубин напористо. – Права берут. Кто сколько себе этих самых прав взял – столько у него и есть.

Покачал старик головой, взглянул вверх головы Ивановой, произнес задумчиво:

– Пойми, Ваня: не время теперь камни собирать. А уж тем более – бросаться ими. Бросишь ты камень, вызовет он лавину, и куда обломки докатятся, лишь Господу Богу известно. А может, и тебя та лавина под собой похоронит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.